Исполнил долг с мужеством и рвением

Пришла пора рассказать о боевой вехе нашего земляка землепроходца Петра Федоровича Анжу, о которой прежде упоминалось двумя строчками. А ведь во все времена проверка войной на мужество ценилась у современников превыше всего.

После окончания капитан-лейтенантом Анжу Каспийской экспедиции вдруг вспоминают, что в Морском корпусе гардемарины учились не только геодезическим съемкам да ориентированию по звездам. Внушали и про плотность огня мортир, и про рассеивание ядер, и про мощность порохового заряда. Одним словом капитан-лейтенант назначен командовать артиллерией на корабль "Гангут".

А порохом в том 1827 году пахло сильно. И конечно с Средиземного моря. Греция тужилась выскользнуть из-под турецкого ига, а Россия братьям христианам сильно симпатизировала. До такой степени сильно, что обязанная сохранять нейтралитет, при каждом удобном случае помогала грекам чем могла.

Наваринское сражение, о котором речь, произошло 8 октября 1827 года, за два месяца до объявления султаном "священной войны" против русских и почти за полгода до манифеста Николая I о войне с Турцией. Получается, что "Наварин" был битвой в мирное время?

Предтечей Наварина стал визит весной 1826 года герцога Веллингтона в Петербург. Приехал вроде бы поздравить Николая I с восхождением на престол, но имел заднюю мысль склонить Россию к участию в делах Греции против Турции. Подписали герцог, канцлер Нессельроде и князь Ливен всего лишь "протокол о намерениях", но пройдет год с небольшим и явится на свет знаменитый Лондонский договор, где суровым слогом Англия и Россия заявят Турции о долге человечества принять меры к прекращению страшной и бесполезной войны против Греции.

Сей договор скреплен подписями 6 июня 1827 года, но несколько раньше вытягивается на Кронштадтский рейд русская эскадра под флагом Д. Н. Сенявина. 2 июня государь делает осмотр эскадры. Вытягиваются во фрунт матросы, поедая взглядом Николая I. Посетив флагманский корабль "Азов", государь побывал и на "Гангуте", имевшем, кстати, самую мощную артиллерию - 84 пушки, затем "Иезекииль" и "Александр Невский". Он остался весьма доволен увиденным и Петр Федорович в числе других офицеров получил монаршее благословение, его же пушкари, как и все рядовые, получили по рублю.

Эскадра готовилась к сражениям, о чем искусно намекнули на корабле "Азов", выложив в арсенале перед визитом Николая I из ружейных замков названия морских побед - "Гангут", "Ревель", "Чесма", а дальше была выложена буква "и".

- А что означает "и"? - спросил государь.

- Место для очередной победы нашего флота, - отвечал М. П. Лазарев, командир "Азова" и начальник штаба эскадры.

После "Наварина" из замков составили это победное слово, а букву "и" перенесли дальше. Но до славной баталии еще несколько месяцев. Корабли принимают по третьему комплекту парусов, кузницу и "по седьмому канату", что означало иметь на каждый становой якорь по 400 саженей каната. К чему такой избыток? Да в бою нередко приходится обрубать канаты для маневра.

Итак, эскадра снимается с якорей и уходит в порт туманного Альбиона Портсмут. А там отделяется часть кораблей и под командованием контр-адмирала Логина Петровича Гейдена направляется в Средиземное море.

В те времена иностранец не в диковинку на русском флоте. Напомним, что наш Ф. П. Анжу французских кровей. Вот и Л. П. Гейден родился в Гааге, с 11 лет служил на кораблях, ходил в океанские походы на голландских кораблях. Да в 23 года влез в политику, за что просидел три месяца в тюрьме. Паспорт заграничный тогда выправлять не было необходимости, достаточно уйти незамеченным, что и сделал молодой Логин, переодевшись в крестьянское платье. Россия приняла беглеца, обласкала, а он стал ей служить верой и правдой. Л. П. Гейден мог бы и объединенной эскадрой союзников командовать в том походе, но имел чин контр-адмирал, а Кодрингтон носил погоны вице-адмирала, что и определило старшинство англичанина.

Корабли идут к месту назначения, и на них идут самые настоящие трудовые будни. Боцман то и дело командует "аврал", заставляя матросов до белизны драить палубу, до солнечного блеска - медь, а пушкари под командой офицеров доводят до автоматизма действия при орудиях, тренируясь по два раза в день. На русском флоте бездельничать не позволяется, да и чем прогнать тоску-кручину по родному дому, как не занятостью - подчас и напрасной.

Впрочем, не совсем напрасной. Все тот же Эдуард Кодрингтон писал: "...Русские суда все такие чистенькие и, думаю, в весьма хорошем порядке. Многие из русских офицеров говорят по-английски. Все русские суда кажутся совершенно новы, и так как медная обшивка их с иголочки, то и имеет прелестный темно-розовый цвет, что много содействует красивой внешности судов."

Красота красотой, но в битвах парусного флота все решает артиллерия и хлопот у П. Ф. Анжу выше головы. Надо и орудия в чистоте держать, и матросов тренировать, и дисциплина чтоб не хромала. В кают-кампании его расспрашивают о северной экспедиции, исследованиях островов в Северном Ледовитом океане, а он пытает товарищей о прицельной стрельбе, да поведении турок в сражении.

А теперь сделаем шаг в сторону от повествования о Наварине, чему есть необычная причина. 8 сентября шторм заставил убрать на кораблях основные паруса и погнал их под одними стакелями и зарифленными грот-марселями к берегам Сицилии. И вот на следующий день в 10 утра с "Азова" прозвучало: "Человек за бортом!" Упал матрос, а увидевший это офицер Домашенко кинулся в воду спасать. В те времена на флоте немало матросов не умело плавать, а офицеры, как правило, "знатно махали саженками".

Пока на "Азове" и "Гангуте" спускали шлюпки, пока боролись со штормовыми волнами, все было кончено. Домашенко схватил матроса и держал его на плаву несколько минут. Теряя силы от тяжести барахтавшегося в панике матроса, он подсунул ему брошенный с палубы "Азова" стул, приказал ему за него держаться, и собрался схватить брошенный невдалеке буек. Но страх одолел матроса и он стал тонуть. Домашенко поспешил вернуться, не достигнув буйка, подал руку тонущему и вцепившийся мертвой хваткой матрос утянул офицера за собой ко дну. Случай сей потряс сослуживцев Домашенка и они потом поставят ему памятник в Летнем саду Кронштадта.

Вот уже и Наваринская бухта - цель экспедиции. В ней в форме подковы или полумесяца, называйте как хотите, расположилась турецко-египетская эскадра. Имея 65 судов при 2106 орудиях против 28 судов союзников с 1298 орудиями, турки имели все основания рассчитывать на победу. К тому же по обе стороны входа в Наваринскую бухту стояли батареи, что увеличивало преимущество противника.

И тем не менее Кодрингтон, в случае упорства турок, решает атаковать их в самой бухте - "чем труднее, тем славнее дело". Впрочем, читая записи о том противостоянии, складывается впечатление, что союзники пытались воздействовать на турок видом своим, а не пальбой. В канун битвы, например, в самую середину флота союзников вошел турецкий бриг из Александрии и был пропущен в блокируемый порт. Не раз посылались гонцы с письмами к командующему объединенным турецко-египетским флотом Ибрагим-паше. Но турки пыжились превосходством и отмалчивались.

В конце концов командующий союзной эскадрой Э. Кодрингтон собрал капитанов с кораблей и указал каждому его диспозицию в Наваринской бухте. "Гангуту" досталось место рядом с "Азовом" против 96-пушечного турецкого корабля. Капитан I-го ранга Александр Петрович Авинов обходит палубы и прежде всего осматривает орудия. "Обе наши батареи совершенно чисты, - пишет участник Наваринского сражения Александр Петрович Рыкачев, служивший лейтенантом на "Гангуте". - Люди заняли места. В это самое время с корабля "Азов" стали салютовать французскому адмиралу, который приезжал повидаться с графом. Мы, обрадовались, полагая, что уже началось дело".

З. ТВЕРЕЦКИЙ.

Адмирал П. Ф. Анжу. Худ. С. В. Пен.

Продолжение следует.

Исполнил долг с мужеством и рвением

Продолжение. Нач. в № 47.

И далее Рыкачев описывает обстановку перед боем, в которую так легко вписывается образ нашего земляка П. Ф. Анжу. Вот он командует матросам и те разворачивают пушку с необыкновенной легкостью. Вот осматривает в который раз орудия, чтоб все было готово к бою. А вот он с офицерами пьет чай прямо у пушек. А вечером танцует, поет и пьет вино в кают-кампании. Прямо скажем, не совсем обычная обстановка накануне страшного сражения и дадим полнее высказаться о тех минутах очевидцу - А. П. Рыкачеву.

"Нельзя желать лучшего расположения духа, как у нас теперь между офицерами и рядовыми. Все будто оживились какою-то необыкновенной силой... Наши матросы живы, веселы и только смотрят в глаза своим офицерам, ожидая их приказаний. Роздали патроны, разнесли по пушкам ящики с картузами, осмотрели все принадлежности, перекликали людей и, приказав им хорошенько отдохнуть, распустили. Стали служить молебен, во время которого была необыкновенная тишина... Добрый наш отец атаман окропил святой водой и давал нам поцеловать крест, уговаривал людей не бояться смерти за веру православную. Как-то все были необыкновенно веселы, что-то новое родилось между нами, все были между собою как истинные родные, забыв от души, если у кого между собою и были маленькие неудовольствия.

В 6 вечера у капитана за рюмкою доброго вина мы пожелали друг другу видеть завтра всех целыми. Оставшись после наедине с капитаном, он мне говорил о своих семейных делах, и я вышел на вахту, моля бога в душе сохранить его для семейства. Между тем флот поворотил на другой галс, лег от берега, стараясь быть на ветре у Наварина. Сменившись ужинать в 9-м часу, я спустился в кают-кампанию. Там танцевали, пели песни, давали завещания, пили вино и пр. Но в 10 часов все на корабле умолкло, и я снова вышел наверх. Люди отдыхали, кругом была совершенная тишина, только изредка слышались свистки на ближних кораблях. На море был штиль, а в крепости и в лежащем при нем лагере мелькали огни, перекликались часовые и лаяли собаки. Но пока и там все было спокойно, а завтра огласятся эти утесы и скольких из нас не станет... Я долго ходил по палубе и молил бога даровать мне присутствие духа. В полночь, при смене с вахты, по приказанию капитана, я прочел еще раз людям славный приказ адмирала Кодрингтона и кончил желанием, чтобы русские показали союзникам свое мужество..."

И вот настало 8 октября 1827 года. По сигналу с "Азова" ударили на "Гангуте" тревогу, и в секунду все готово - фитили зажжены. Капитан-лейтенант Анжу проходит меж орудий и назидает матросам:

- Деритесь славно, не ударьте в грязь лицом перед союзниками!

- Рады стараться! - хором кричат одетые в чистое пушкари. А на такое же обращение капитана Авинова громогласно кричат "Ура-а-а!!!"

Союзная эскадра входит в губу. Первыми идут англичане, за ними французы и русская эскадра. "Гангут" входит вслед за французским фрегатом "Армида" и английским "Тальботом". Неумолимо приближается час "Х".

При прохождении мимо Наваринской крепости, с нее прозвучал холостой выстрел. К Кодрингтону прислан офицер от египетского адмирала Мукаррам-бея. Он просит главнокомандующего союзной эскадрой:

- Ибрагим-паша уехал из Наварина в Моден и не оставил никаких приказаний. Подождите входить в бухту!

Суровый англичанин только усмехнулся на такое предложение:

- Я иду в порт не получать приказания, а отдавать оные!

Помня о "Чесме", где исход сражения решил один брандер, кстати, ведомый нашим земляком мичманом Ильиным, турки напичкали горючим материалом и порохом с десяток никчемных судов, собираясь их пускать на корабли союзников. Шедшие первыми англичане конечно же знали о такой опасности, а посему фрегат "Дартмут" усмотрел опасное соседство одного из брандеров и послал шлюпку арестовать его. Турки открыли ружейный огонь по шлюпке и первыми же выстрелами убили лейтенанта Фиц-Роя.

Ответный огонь заставил стрелков с брандера броситься в воду. Однако они успели зажечь брандер и направить на фрегат "Тридан". Начавшийся на фрегате пожар был потушен, но зачалась перестрелка. И снова делается попытка предотвратить сражение. С корабля "Азов" послан штурман на египетский адмиральский корабль, еще не открывший огонь, с наказом, дабы он не начинал сражение, и что союзные корабли будут палить только по тем, кто откроет огонь. Но Мукаррем-бей дал сигнал, и английский парламентер убит у самого борта египетского корабля, начавшего к тому же плевать огненными ядрами по союзникам. С этого момента стрельба пошла повсеместно и на поражение.

Но вернемся к нашим героям с "Гангута". Дым сражения застил бухту, и русская эскадра входила в тесный и малознакомый проход между крепостью Наварин и островом Сфактория практически вслепую. Крепостные батареи плеснули картечью и сильно повредили рангоут и паруса "Гангута". Появились первые убитые и раненые из тех, кто находился на юте. И тут сказали свое первое слово батареи под началом П. Ф. Анжу. Первым же залпом с "Гангута" и французского корабля "Бреславль" турецкие батареи и крепости, и острова замолчали.

Следуя за "Азовом" в густом дыму, "Гангут" действовал на оба борта, достиг якорного места, назначенного по диспозиции, в полукабельтове от "Азова". Едва бросили якорь, как пришлось травить канат якоря, чтобы пропустить горящий турецкий корвет, уже подожженный огнем союзных батарей. Тот пронесся прямо в неприятельскую линию и через пять минут взлетел на воздух.

"Став на якорь, - вспоминает А. П. Рыкачев, - мы действовали батареями одной правой стороны против трех турецких фрегатов, из которых один был двухдечный. Корабль наш сильно терпел от огня продолжения неприятельской линии до тех пор, пока ставший у нас перед носом корабль "Иезекииль" не занял суда впереди нашего траверза. Тогда мы действовали только по двум фрегатам и корветам второй линии. Густой дым с обеих сторон мешал хорошенько видеть действия остальных судов соединенного флота.

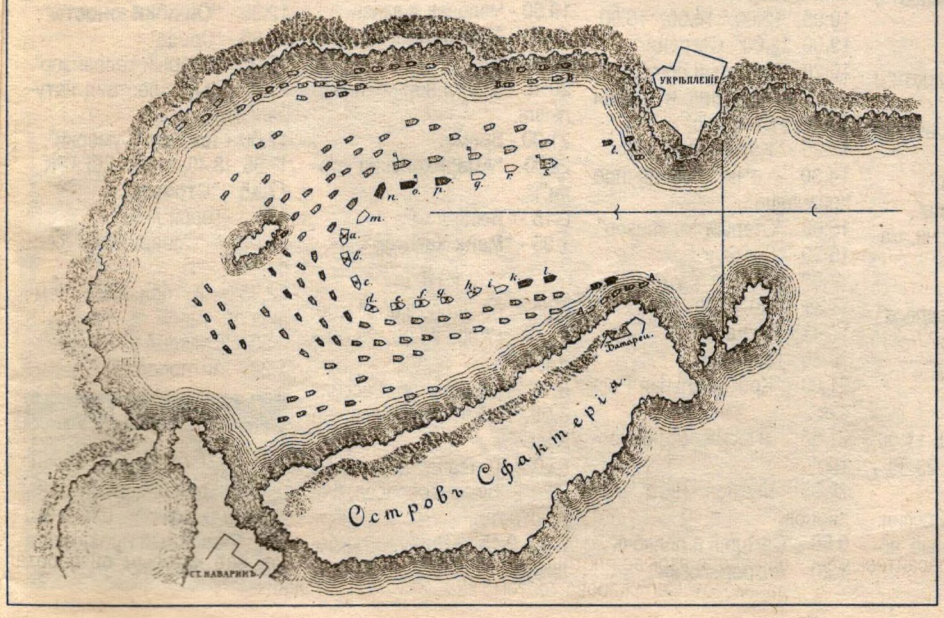
...Наш "Азов" частью своей левой батареи действовал по двум линейным турецким кораблям и двухдечному фрегату и бил еще продольными выстрелами 80-пушечный турецкий корабль, дравшийся с "Альбионом" /английский корабль - З. Т. / и упавший из линии, потеряв свой якорь. В тоже время "Азов" не прекращал огонь по фрегату Таир-паши и сам много терпел до нашего прихода на место под выстрелами всего полукружия турецкого флота."

С сего момента на целых четыре часа у "Гангута" одна задача - попасть, и поточнее, в турецкие корабли. А по правому борту оказалось сразу три фрегата. И только подошедший "Иезекииль", вставший по траверзу впереди, "отнял" одного противника. Капитан-лейтенант Анжу приказал командорам целить по двум фрегатам и в корветы второй линии.

З. ТВЕРЕЦКИЙ.

Продолжение следует.

План сражения в Наваринской бухте 8 октября 1827 года.



Исполнил долг с мужеством и рвением

Продолжение. Нач. в № № 47, 48.

В кромешном дыму трудно рассмотреть действия соседних кораблей, но стрельба шла отчаянная. "Азов" помогал англичанам громить два турецких линейных корабля частью левой батареи, продольно бил по 80-пушечному кораблю, дравшемуся с "Альбионом", да еще вел огонь по фрегату Таир-паши.

Вот как об этом вспоминает П. С. Нахимов, служивший на "Азове" вместе с еще двумя будущими героями Севастопольской обороны нашим земляком В. А. Корниловым и В. И. Истоминым: "Не было места, куда бы не сыпались книппели, ядра и картечь... Надо было драться истинно с особенным мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников". Потом в память достохвальных деяний начальников, мужества и неустрашимости нижних чинов "Азов" первым в русском флоте награжден Георгиевским кормовым флагом.

Впрочем, героизм в Наваринской битве был нормой. Вот тому несколько примеров. На линейном корабле "Иезекиль" командир кавторанг И. И. Свинкин, будучи ранен картечью в самом начале сражения, четыре часа боя командовал, стоя на коленях и держась за снасть. Лейтенанту Буреневу на "Азове" раздробило ядром руку, но несмотря на адскую боль, он остался у подчиненной батареи и только строгий приказ заставил его отойти от пушек. Порывался он на палубу и после того, как ему отрезали руку. Ранен был в голову и П. Ф. Анжу - Наваринская контузия не отпускала до самых последних дней его.

До подхода "Гангута" наш флагман и сам много терпел урона под выстрелами полукружия турецкого флота. "Гангут" взял на себя часть выстрелов, да славно помог французскому "Бреслявлю".

Артиллеристы дерутся, а марсовый не зевай. И вовремя заметил горящий брандер, несущийся прямо на "Гангут". Матросы не подкачали - стравили шпринг и уклонили корабль от плавучей смерти, да метко пальнули, чтобы пустить брандер на дно.

Между тем противостоящему фрегату пробили-таки борт ниже ватерлинии, и он по-геройски - этом туркам не откажешь - не спуская флага, погрузился в пучину. Еще один 64-пушечный взлетел на воздух. И раздалось громогласное "ура" по всей линии русских кораблей. "Признаюсь, этот взрыв турецкого фрегата, - пишет А. П. Рыкачев, - вряд ли кто из нас забудет во всю жизнь. От сотрясения воздуха корабль наш содрогнулся во всех членах своих. Нас засыпало снарядами и головнями, отчего в двух местах на нашем корабле загорелся пожар, но распоряжением частных командиров и проворством пожарных партий огонь был скоро погашен без малейшего замешательства. После взрыва нашего ближайшего противника мы продолжали действовать плутонгами по корветам, бывшим во второй линии сзади фрегатов. Суда эти, отрубив канаты, буксировались к берегу, но, не достигнув оного, тонули, а люди спасались вплавь. Около же этого времени взлетел на воздух 80-пушечный турецкий корабль, дравшийся с кораблем "Азия". Тогда сражение уже было совершенно выиграно".

Вот и закончилась Наваринское сражение, пора стирать пот и копоть с лица, пора подсчитывать потери. Союзный флот не потерял ни одного корабля, хотя повреждений было великое множество. На "Азове", например" побиты все мачты, в корпусе 153 пробоины, из которых 7 подводные. Немало пострадал и "Гангут", где погибли один штурманский кадет, два унтер-офицера и одиннадцать матросов. Всего же на союзной эскадре убито 177 и ранено 469 человек, из них на русской эскадре убито 59 и ранено 139.

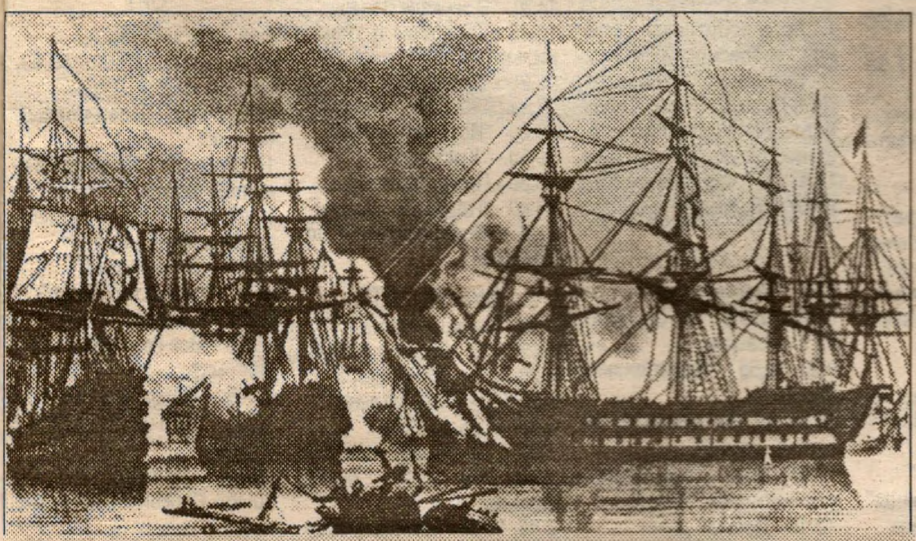
Потери совершенно не совместимые с турецко-египетскими. Из 66 судов противника в Наваринской бухте на плаву остался фрегат и пять мелких судов. А людские потери составили семь тысяч человек.

Последим дальше за событиями того памятного дня, пользуясь столь редкими записями очевидца с "Гангута".

Ровно в 6 часов вечера пробили отбой. А. П. Рыкачев спустился в кубрик проведать раненого брата. Священник читает отходную по умершим, доктор режет ногу раненому, пьяный матрос кричит "Ура-а-а!" Обрадовав всех одержанной победой и концом сражения, Рыкачев побежал на ют. Темно. Полный штиль, словно и море решило отдохнуть от ужаса битвы. Офицеры, среди которых и П. Ф. Анжу, от счастья, что остались живы, целуются, как братья, делятся впечатлениями боя.

З. ТВЕРЕЦКИЙ.

(Окончание следует.)



"Гангут" (прямо по центру) в Наваринском сражении.

Исполнил долг с мужеством и рвением

(Окончание. Нач. в № № 47, 48, 50.)

Ровно в половине 7-го офицер от афа Гейдена приехал на "Гангут" здравить с победой и поблагода-ть за скоро занятое по диспозиции сто и... славное действие орудия-. /Выделяем потому, что сия похва- адресована прежде всего П. Ф. жу, начальствовавшему над ар-ллерией - З. Т./.

Ночь после боя для "Гангута" ока-лась беспокойной и едва не при-есла большое несчастье. Ожесточе-ю побежденных не было предела. урки сами сжигали оставшиеся на лаву суда: во время вахты Рыкаче-а прогремело семь таких взрывов. осле поджога огонь расползался по сему судну, от жары раскаленные ушки начинали стрелять сами собой следовал взрыв. Все, что выше рюйт-камеры, поднималось в воз-дух, остальное догорало на воде.

После полуночи мог взлететь на оздух и праздновавший победу "Ган-ут". Неприятельский двухдечный фрегат под кивером и бизанью шел в молчании на наш линейный корабль. С объездной шлюпки взывали к ко-манде фрегата, считая его за союз-ный, но в ответ ни слова. На "Азове" сообразили, что имеют дело с бранд-дером и, обрубив канаты, буксирова-лись в сторону. На "Гангуте" тоже об-рубили канаты и дали по неприятелю залп целым плутонгом левого борта. Но отойти не успели - неприятель-ский фрегат бушпритом сильно уда-рил в грот-мачту и увяз в грот-вантах.

К тому времени уже прозвучала команда: "Абордажных наверх!" Бра-вые матросы, едва бушприт затих в вантах, резво перескочили на палубу фрегата. Там трое голых турок раз-дували костры, явно рассчитывая взорвать свой корабль вместе с "Ган-гутом". Их изрубили саблями, огонь залили водой. В нижнем деке оказа-лись десятки тяжелораненых турок. Они умоляли облегчить страдания, но последовал мстительный приказ: "Потопить фрегат". Гребными судами "Гангута" и "Бреславля" покуситель отведен в сторону и с помощью топо-ра пущен ко дну.

Взрывы и пожары будоражили Наваринскую бухту до самого рас-света, а утром солнце осветило вод-ную гладь, заполненную такелажем, перевернутыми днищами и корабля-ми почти без мачт. Турки били по та-келажу, что было оправдано в откры-том море, так как лишало маневра, обездвиживало и превращало ко-рабль в мишень. Но в этом бою кора-бли стояли на якорях, маневрировали шпрингами и пальба союзников по подводной части, дабы потопить ту-рецко-египетские корабли, приносила больший эффект. Все линейные ко-рабли союзников остались на плаву, но мачт не досчитались, и пришлось поднимать, на "Гангуте" в том числе, фальшивое парусное вооружение.

Битва закончилась, но война-то не объявлена, и победители делают ве-ликодушный жест. Адмиралы объяв-ляют Таир-паше, что союзный флот удовлетворен расплатой за дерзость выстрелов с оттоманского флота и го-тов относиться дружески к противни-ку. Но если прозвучит хотя бы выстрел снова - будет объявлена война.

К счастью, выстрел не прозвучал и начались обычные послевоенные процедуры. С турецкого фрегата, сдавшегося нашему "Александру Невскому", отпущены все турки. Ма-ло того, что отпущены, так еще и вы-даны им на три дня сухари и бочка масла. Турки, опомнившись, переста-ют жечь свои суда, а собирают их под прикрытие береговых батарей. Выяс-няются подробности начала битвы. Оказывается Таир-паша и Мукаррем-бей советовали Ибрагиму принять ус-ловия, предложенные Кодрингтоном. Но тот считал свое превосходство яв-ным, а позицию неприступной: "Ги-бель союзников неизбежна. Ядра, огонь и вода должны истребить и по-топить их." Когда же союзный флот показался у входа в бухту, Ибрагим-паша высокомерно кивнул головой окружавшим: "Вот ваши призы!" Правда Ибрагим-паша планировал не сражаться, а ждать ночи, чтобы по сигналу свалиться на абордаж со всеми судами союзников сразу. Об этом рассказал один почтенный ту-рок, пожелавший не возвращаться в Морею, а служить России.

Как потом узналось, ночью после сражения все тот же Ибрагим-паша горестно взирал со скалы на свой разбитый великий флот и ответил на упрек Таир-паши, что не прислушал-ся к совету: "Кто же мог знать, что у них корабли железные, а люди на-стоящие черти!"

Ответим турецкому паше, что не корабли, а люди в том бою были же-лезными. И вовсе не черти, а гордые за Россию и любили ее так, что гото-вы головы сложить. И как славно, что среди наваринцев был наш зем-ляк Петр Федорович Анжу.

За храбрость, присутствие духа и усердие в том бою все тридцать офицеров "Гангута", включая гарде-марина Александра Кузнецова, гу-бернского секретаря Платона Бель-ковского, лекаря Алексея Носова и иеромонаха Артемона, награждены орденами. Петр Федорович Анжу получил орден Святого Георгия 4-го класса.

x x x

В заключение вот о чем. Нава-ринская битва стала одной из слав-нейших в истории Российского фло-та. Участники сражения ежегодно 8 октября собирались у старшего по возрасту этаким кружком. С каждым годом этот кружок сужался, и в 1869 году не стало нашего земляка Петра Федоровича Анжу. Скончался он на четвертый день после годовщины, на которую был зван, но не пришел по причине смертельной болезни.

Записки А. П. Рыкачева донес-шие до нас запах пороховой гари На-варинского сражения, были изданы после смерти автора в 1877 году, в типографии "Кронштадтский вест-ник". В тот же год наваринцы тоже собрались, и назовем сотоварищей П. Ф. Анжу, которые были еще живы.

Это брат Александра Петровича Рыкачева, служивший на "Гангуте" мичманом и раненый в самом нача-ле, при обстреле входившего в бух-ту корабля батареями береговой обороны. Жил Дмитрий Петрович Рыкачев в городе Касимове Рязан-ской губернии в звании капитан-лейтенанта в отставке. В Елецком уезде Орловской губернии прожи-вал капитан-лейтенант Сергей Сер-геевич Бехтеев, имевший в том па-мятном году чин лейтенанта. И на-конец, жив был бывший матрос I статьи Борис Васильевич Богуча-ров, обитавший в Веневском уезде Тульской губернии.

Не затруднимся назвать еще три фамилии, коль представился случай упомянуть земляков. В Наварин-ском сражении участвовали: Влади-мир Васильевич Казимиров - на фрегате "Елена" в чине констапеля, в 1877 году он начальник 7-ой дис-танции III округа путей сообщения Тверской губернии и проживал в Ве-сьегонске; бывший лейтенант с "Александра Невского" Александр Александрович Огильви проживал в чине статского советника в Кашин-ском уезде; матрос I-ой статьи с "Иезекииля" Петр Михайлов - ско-рее всего крестьянствовал.

Вот теперь все о Наваринском сражении в связи с участием в нем наших земляков, и прежде всего, ко-нечно, Петра Федоровича Анжу.

З. ТВЕРЕЦКИЙ.

Наваринское сражение.